

"Как много?" — устало спросил Эддард.

— Сто двадцать семь, — сказал Лин, его лицо скривилось, как у человека, говорящего о предмете, который он находит неприятным. — Шестьдесят восемь из них годные мужчины призывного возраста.

Эддард вздохнул. — Слава богам, что вы привезли и продовольствие для этого поместья, — сказал он. — Мы сможем прокормить их всех хотя бы на одну-две ночи. Итан!" Подбежал оруженосец Эддарда. — Возьми на себя ответственность за рабов в колонне сира Лина и передай их другим вольноотпущенникам. Скажи всем годным мужчинам призывного возраста явиться в пионеры». Эддард снова повернулся к Лин. — Продолжайте, сир Лин.

Лин лязгнул кулаком в перчатке по нагруднику в знак приветствия и направил коня в сторону валеменской части лагеря роты. Эддард снова вздохнул, развернул свою лошадь и поскакал обратно через лагерь к группе палаток в центре, где жили капитаны. Он хотел иметь возможность доверять Лин Корбрей, но не мог заставить себя сделать это. Молодой Вейлман был явно честолюбивым человеком, всегда ищущим главный шанс. Не то чтобы в этом было что-то строго неправильное, но и отец, и приемный отец учили его, что лучше всего держать свои амбиции при себе. Его приемный отец считал, что есть вещи, которые невежливо обсуждать в общей компании; например, амбиции, женщины и большинство телесных функций. Его отец, с другой стороны, придерживался мнения, что хранить тайну намного легче, если просто не говорить об этом.

Тем не менее, Эддард не мог отрицать, что у Корбрея было свое применение, особенно в качестве капитана рейдеров. Доказательства присутствовали в его колонке; шестьдесят тяжелых фургонов, доверху нагруженных пшеницей, овсом, рожью и другими злаками, жизненно важными для марширующей армии, и все они должны быть вставлены в обоз. Людей можно было заставить сражаться какое-то время без оплаты и какое-то время без крова, при хорошей погоде, но они не могли сражаться без еды.

Это, по сути, и было главной трудностью, которую компании приходилось планировать, и одной из вещей, на которых строилась вся кампания. Шести с половиной тысячам бойцов и почти шести тысячам лагерников, ежедневно потреблявших четыре или пять фунтов еды, требовалось чуть более двадцати восьми тонн пищи каждый день. И это не считая еды, в которой нуждались их лошади, вола и мулы. Если бы они не пересекли границу без предупреждения, тем самым не дав мирийцам времени увезти урожай, им грозила бы реальная опасность голодной смерти. К счастью, они не только пересекли границу и проникли в мирийские зерновые земли до того, как мирийцы отреагировали, но и благодаря шпионской сети Браавоси узнали, в какой области страны был самый большой урожай и более или менее где был самый большой урожай. можно было найти производительные поместья.

Это была главная причина, по которой они не были вынуждены отказаться от всех рабов, которые сотнями стекались к ним с тех пор, как они пересекли границу. Новость о том, что отряд «Сансет», разрушители цепей и убийцы господ, пересекла границу, пронеслась по северным землям мирийцев, как пожар во время засухи, и мирийские рабы отреагировали. Многие, у кого были средства и возможность, просто бежали от своих хозяев в поисках линий роты, но другие, не в силах ускользнуть, прибегали к более решительным средствам. Мир в целом имел трех рабов на каждого свободнорожденного, но в поместьях это соотношение было порядка одиннадцати или двенадцати к одному. И хотя надзиратели и охранники были суровыми людьми, обученными владеть оружием и привыкшими к насилию, лопата, мотыга или крюк могли убить человека так же мертво, как меч или копье, и десять против одного были бы большой разницей даже для мужчин Вестероса. - по оружию.

От одного конца миришской северной страны до другого вспыхивали восстания рабов, когда мужчины и женщины, которым нечего было терять, кроме жизней, не стоящих того, чтобы жить, хватались за свой шанс обеими руками. Некоторые восстания были подавлены кровавой расправой, но большому количеству удалось свергнуть и убить своих угнетателей, а затем напасть на последнее известное местонахождение их предполагаемых освободителей. Некоторые, скорее по счастливой случайности, чем по здравому смыслу, нашли компанию собственными усилиями. Другие натыкались на ту или иную рейдовую группу роты и следовали за ними обратно к позициям роты. Третьи, более плохо управляемые или просто менее удачливые, столкнулись с одной из банд нерегулярных всадников, созданных местными магнатами. Эти банды, состоящие в основном из родственников и вассалов магнатов и часто возглавляемые окружными констеблями, бродили по северным землям мириш, стремясь как поддерживать порядок среди рабов с помощью угрозы или применения силы, так и беспокоить роту заката, в то время как Миришская армия мобилизована.

Когда мирийские нерегулярные войска и беглые рабы сталкивались, бой неизменно был безжалостно жестоким; обе группы были достаточно умны, чтобы понимать, что их выживание зависит от полного истребления другой. Эддard вспомнил сцену одной из таких стычек, которая, очевидно, привела к взаимному уничтожению; один раб, пронзенный кинжалом в ребра, очевидно, использовал последние силы, чтобы задушить пронзившего его мирмена. Он старался не думать о временах, когда они находили место, где мирийские нерегулярные формирования торжествовали; были вещи, которые ни один здравомыслящий человек не хотел бы иметь в своей голове.

Конечно, проблема заключалась в том, что как только рабы попадали в компанию «Сансет» и становились вольноотпущенниками, компания должна была что-то с ними делать. Каждый майни, боевой отряд отдельных лордов и рыцарей роты, насчитывавший от пяти до пятидесяти человек, нанимал от одного-двух до тридцати-сорока вольноотпущенников в качестве поваров, камердинеров, конюхов, посыльных, и обычные собачьи тела, но это по-прежнему оставляло несколько сотен вольноотпущенников непривязанными и не имеющими ничего другого, кроме как попасть в беду, что имели обыкновение делать среди них годные к военной службе мужчины, когда они требовали, чтобы рыцарь обращался с ними как с людьми, а не с рабами, чтобы непонимание, легкий шок и общее замешательство рассматриваемого рыцаря. Возникшая в результате проблема с дисциплиной мучила капитанов целую неделю, пока однажды вечером сир Бринден не нахмурился и не спросил: «Почему бы нам не использовать их в качестве пионеров?»

Когда Роберт спросил его, какого черта он имеет в виду, он объяснил, что гискарские легионы, а позже и Валирийская Фригольдия, нанимали отряды людей, обученных строительству и инженерному делу, которые отвечали за строительство армейских лагерей, строительство мостов и дорог, возведение стен и зданий и копать шахты, среди других обязанностей. Он объяснил, что именно эти люди проложили русла знаменитых валирийских дорог, хотя окончательное мощение и уплотнение дорог были сделаны с помощью магии. Конечно, заставить латников делать такие вещи было бы почти невозможно; даже если они не были дворянами, они, ставшие солдатами, избегали копать и таскать землю. С другой стороны, вольноотпущенники не имели таких притязаний, уже привыкли к тяжелому ручному труду, и хотя компания испытывала нехватку твердой наличности после скупки примерно четверти всего урожая Пентоса и нехватки надлежащих инструментов, те, у кого нет инструментов, можно было использовать для переноски и установки. Более того, выяснилось, что один из двух мастеров, сопровождавших отряд в Эссос для ведения хроники его деяний, наладил несколько связей в архитектуре; очевидно, его отец был каменщиком и надеялся, что его сын сможет вернуться к семейному бизнесу. Однако, несмотря на то, что талант мастера Гордона создать

свою настоящую любовь ушел в прошлое, отсюда и причина, по которой он вызвался присоединиться к компании.

Итак, добровольцев призвали служить в Корпусе пионеров за половину ставки лакея под непосредственным командованием капитан-генерала Роберта Баратеона, мейстер Гордон был назначен их заместителем командира. лагерь роты был расширен, чтобы освободить место для них, а те добровольцы, которые взяли звезду, были привлечены к военной дисциплине, и их дни были заполнены либо работой, либо обучением. Кое-кто в компании расценил это как легкую шутку, но Эддарду пришлось думать иначе. В дне пути отсюда был ручей, название которого переводится на Всеобщий как Кэтблад-Крик. По словам людей, которых они расспрашивали о местности, Кэтблад-Крик не был особенно широким или глубоким, но текла она быстро, а ее берега были крутыми. Что еще более важно, на протяжении двадцати миль ни вверх, ни вниз по течению не было брода, и, по словам группы беглецов, прибывших два дня назад, мост, который строила рота, был снесен мирийскими нерегулярными формированиями. Кроме того, рота уже лишила еды почти все поместья в пределах легкой досягаемости от мостовой площадки.

Пионеры должны были отрабатывать свою зарплату, иначе компания рисковала быть прижатой к ручью без возможности переправиться. Если бы это случилось, они бы съели своих тягловых животных за одну ночь, своих лошадей через три дня, а затем они бы съели свои ремни и сапоги, чтобы предотвратить голодную смерть.

XXX

Мейстер Гордон удовлетворенно сиял на своих людей. — Молодцы, ребята, — сказал он на своем выученном наизусть низком валирийском. «Молодец, действительно. Чертовски хорошо показали этим шутникам, которые не думали, что ты стоишь своей еды, не так ли?

Его люди согласно зарычали, размахивая своими инструментами. За два дня эти люди, большинство из которых никогда раньше не работали на крупных стройках, набросили мост через ручей шириной в двадцать пять футов от берега до отвесного берега, по которому могла пройти тяжелая повозка с полной нагрузкой. Из соображений осторожности они перегоняли фургоны по одному, на что уходил как минимум целый день, а то и два, но, клянусь богами, они переправлялись. И на случай, если возникнут какие-либо сомнения относительно того, кто несет ответственность за это маленькое чудо, он нашел время, чтобы нарисовать табличку с надписью: «Пересеките Кэтблад-Крик сухими ногами, любезно предоставлено Корпусом пионеров».

«Вторая секция, оставайтесь на дежурстве на случай, если один из фургонов пойдет в запой. Остальные, вываливайтесь и оставайтесь наедине с собой, вы это заслужили, — сказал он, разводя руками. "Увольнять!"

Когда пионеры направились к своим кострам, септон Джонотор, старший из септонов, следовавших за ротой в Эссос, подошел и критически осмотрел мостик. — Молодец, мейстер, — сказал он, его резкий голос не смягчился ноткой одобрения. «Хотя я почти с нетерпением ждал перехода вброд в такую жару».

Гордон пожал плечами. — Ничто не остановит вас, отец, — спокойно сказал он. — И работа была не такой уж тяжелой. Изначально это был хлопковый мост; в основном пара окровавленных огромных каменных плит, поддерживаемых посередине кучей камней. Мирийцы бросили плиты в реку и разорвали кучу; просто дело в том, чтобы собрать его, на самом деле. И поставить новые сваи под плиты, чтобы помочь им выдержать вес вагонов. Я бы

предпочел удвоить ширину моста, но у нас не было материалов».

Джонотор кивнул, пока они смотрели, как фургон медленно проезжает. Они создавали интересный визуальный контраст. Гордон унаследовал крепкое телосложение своего отца-каменщика, с мускулистыми руками, грудью, как бочка, и широким, любезным лицом, которое он тщательно выбривал, несмотря на то, что они были в походе и поэтому отращивание бороды было понятно. Джонотор, с другой стороны, был высоким и худощавым, с угловатым суровым лицом, которому не помогала его привычка носить суровое выражение.

— Ты действительно думаешь, что мы действительно можем победить? — спросил Гордон, когда фургон выехал на сушу. — Не то чтобы я сомневался в мастерстве и храбрости наших капитанов, конечно, но захват целого континента ужасно пахнет высокомерием.

Джонотор пожал плечами. — Если боги воля, все возможно, — сказал он голосом с такой абсолютной уверенностью, что Гордон моргнул. — А наши капитаны в большинстве своем здоровые и благочестивые люди. Он сделал лицо. «Я бы хотел, чтобы среди нас не было язычников, но недовольство лорда Старка справедливо, и он с должным уважением относится к Вере».

Гордон почти спросил, что Джонотор думает о лорде Грейджое, но в последнюю минуту передумал. Вспомни, старик, почему архимейстеры вообще послали тебя сюда. . . — И мы не воюем против целого континента, сын мой, — продолжил Джонотор. «Только один город, и тот ослаблен тем злом, которое практикует».

«Один город, который контролирует достаточно территории, чтобы соперничать по размеру с Речными землями или Вестерлендами», — ответил Гордон, указывая на слегка холмистые поля вокруг них; сельхозугодья, равные чему-либо в Пределе, и с соответствующим климатом. Мир чертовски рос рядом с любой культурой, кроме цитрусовых, по крайней мере, так ему сказали. Очевидно, климат был недостаточно теплым для цитрусовых. «И у него больше людей, чем у любого из них. Эти плантации кормят не только своих владельцев и рабов, отец, но и города, не уступающие по размерам Вестеросу. В стенах одной Цералии тридцать тысяч душ, а в городе Мир их в десять раз больше. У нас сколько, шесть или семь тысяч копий? Гордон развел руками. «Вы должны признать, отец, что шансы не совсем благоприятны для нас, даже до того, как остальная часть континента добавлена».

— В Битве Семи Звезд шансы не благоприятствовали Артису Аррену, — возразил Джонотор, — но благодаря милости богов, умению и отваге его людей он одержал победу, и так была завоевана Долина. И еще раз говорю вам, перед нами не весь континент, а только один город».

«Возможно, один город в этой кампании», — сказал Гордон, прежде чем повернуться к своим пионерам, которые бездельничали на берегу ручья. — Гейнис, держи себя в руках! Я вижу тебя, легкомысленный педераст! Но другим городам не понравится, что мы будем соседями, — продолжил он. — И наши люди не позволят нам жить в мире с работоторговцами. Мои пионеры поклялись кровью, что когда доберутся до Мира, не оставят в живых ни одного рабовладельца. И судя по тому, как они тренируются с оружием, когда не на работе, они это понимают. Он пожал плечами. «Я не особенно против смерти; Я старый человек. Но я хотел бы знать, что я умер за дело, у которого был шанс на победу».

Джонотор посмотрел на него. «Мы сражаемся за достойное дело против людей, которые осквернили богов словом и делом», — строго сказал он. «Независимо от того, победим мы или проиграем, те, кто падают, будут встречены богами как герои и воссядут одесную их в день суда. Но мы не проиграем, — продолжал он, горя глазами. «Боги увидят, что мы боремся с

мерзостью, и даже язычники среди нас получают силу Воина, и рука Отца защитит их. Те, кого мы освободим, соберутся под наше знамя, как это было в Пентосе, и даже самые слабые из них будут обращены во львов силой богов. Даже если работорговцы выступят против нас тысячами и десятками тысяч, мы победим, ибо боги будут сражаться на нашей стороне».

Гордон пожал плечами. — Если вы так говорите, отец, — сказал он, оборачиваясь и наблюдая, как еще один фургон с грохотом съезжает с моста. — Я просто надеюсь, что боги дадут нам подкрепление.

После пересечения Кэтблад-Крик рота «Сансет» двинулась на юг, в сторону города Сералия. Этот город был центром северных земель Мира, в нем располагался крупнейший рынок и крупнейшая ярмарка скота в регионе, а также он служил базой губернатора Севера. Это вызвало поспешный ответ Рейгара; его власть над Миром была не настолько сильна, чтобы он мог позволить себе падение одного из его крупных городов-спутников, не сражаясь за него. И бороться за это ему придется. Губернатор Севера сообщил, что у него недостаточно солдат, чтобы удержать стены и предотвратить восстание рабов в городе, и в любом случае оборона города была в слишком плохом состоянии, чтобы устоять против штурма. .

Итак, Рейегар двинулся на север, к Цералии, имея только половину людей, которых он планировал собрать, и, несмотря на медлительность своего сбора, он двинулся с похвальной быстротой; Не прошло и полутора суток после выхода, как Армия Мира и рота Заката встретились на противоположных сторонах неглубокой долины у деревни Тара.

- В погоне за драконами: компания «Закат», пересмотренная мейстером Хендрикусом, опубликована в 1539 году З.Э.

<http://tl.rulate.ru/book/82264/2576852>